

18+ Андрей Федоров

---

*Апельсиновый
ландыш*

Андрей Федоров
Апельсиновый ландыш

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67333586

ISBN 9785005624635

Аннотация

Сборник рассказов о жизни, любви, испытаниях, через которые приходится проходить... О том, кому и как это удаётся. И о силе души, которая может всё преодолеть.

Содержание

Апельсиновый ландыш	5
Белая кость	17
Дурочка	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Апельсиновый ландыш

Андрей Федоров

© Андрей Федоров, 2022

ISBN 978-5-0056-2463-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Апельсиновый ландыш

Вовка задрал голову к небу, будто чувствуя, что сейчас произойдёт что-то важное – самое важное, самое яркое, что может случиться в жизни. Да, именно сейчас, в это мгновение! И то, что произойдёт – поменяет всё в корне, перевернёт страницу, и с неё, с новой чистой страницы жизни, тут же брызнут миллионы красок. Он рванул растопыренную ладонь к небу и замер, с жадностью слушая шёпот ленивого июльского ветерка.

Ну... Давай! Где же ты? Вот она, моя ладонь!..

Ветерок обволок Вовкины пальцы, ласково поиграл с ними, а затем нежно опустил в ладонь цветок. Маленький апельсиновый ландыш. Не дыша, Вовка протянул его Вике:

– Это тебе! – и густо покраснел.

– Ты первый раз даришь девушке цветок? – Вика вдохнула аромат и рассмеялась.

Вовка не понял, почему она смеётся, и покраснел ещё больше:

– Да. Но почему апельсиновые ландыши падают с неба?

– Ты, правда, не знаешь?

Вопрос обескуражил Вовку. Вика почувствовала это:

– Мне папа рассказывал.

– Папа?

– Да, мой папа, Сергей. Он умер, и теперь я совсем одна.

Вовка сжал губы и побелел. Он тысячи раз по ночам думал, что такое, когда у тебя есть папа? Как это? Огромный нежный человек, который кидает тебя в воздух так, что замирает дух, а потом, когда от восторженного страха сжимается сердце и холодеют ладони, ловит у самой земли... И вы оба хохочете до судорог, и он целует тебя в пухлые розовые щёки, а ты ежишься от его колкой щетины и хохочешь ещё сильнее, заливаешься смехом... Он видел это во снах, которые приходили к нему ниоткуда и уходили потом в никуда... И просыпался утром и в который раз на мокрой от слёз подушке. *Это не правда, папа не может умереть! Они созданы, чтобы всегда быть с тобой!* Вовка был в этом уверен.

Но промолчал.

Вика покачала головой:

– Совсем...

– Нет, – просипел Вовка, – ты не одна... Теперь мы вместе.

Вика положила ему голову на плечо и вздохнула:

– Папа рассказывал, что апельсиновый ландыш – предвестник желания. самого главного в жизни. Ведь часто бывает – живёт человек и не знает, зачем, что ему надо в жизни, и для чего... Но если ландыш спустился в ладонь, то человек непременно поймёт, найдёт, ради чего жить, и желание обязательно сбудется. Вот ты, Вовка... – она нежно погладила лепестки цветка подушечкой мизинца. – Ведь он не просто так спустился к тебе... Ну, скажи, есть у тебя желание?

Вовка изо всех сил пальцами сжал колени. Изо всех сил,

до белых костяшек. Так он делал всегда, сколько себя помнил, когда нужно было решение, пусть хоть самое крошечное... Ведь в итоге, из всех, крошечных и не очень, сложится одно – самое главное в жизни. Узнать бы ещё, какое... Сейчас Вовка не знал, но что-то в глубине кричало, что прѣбил час.

– Ты мне расскажешь об апельсиновом ландыше? – чуть слышно произнёс он. – Так, как рассказал тебе папа...

Ольга Витальевна смотрела на причудливый дуэт. Их притянуло магнитом в первый же день, а они, воспитатели, толком ничего и не поняли, только увидели, как Вовка с Викой прилипли друг к другу сразу же и навсегда, и единственной мѣлкой в жизни для них стало расставание – долгое, ржавое и гадкое расставание с вечера до утра, когда опять смогут сесть на обшарпанную скамейку, как сейчас, и вдвоём молча уставиться в одну точку. Уставиться надолго, хоть на весь день, не шевелясь, не двигаясь, только переплетя пальцы рук в нежном узоре...

– Дело в садовнике, – Вика почувствовала, как Вовка превратился в слух. – Он слеп, но знает преогромнейший сад своей хозяйки, мадам Софи, как свои пять пальцев. Каждое утро Жокто, так его зовут, выходит поздороваться с розами, потом, напевая старинный романс, поливает азалии... Когда вдруг, неизвестно каким образом, из проросших в зем-

ле семян плющ начинает карабкаться по яблоням, он надевает свои бежевые бархатные перчатки и с виноватым видом срезает зелёные сочные побеги... Мадам Софи заходит по утрам к нему в каморку, что скрыта за кустами жасмина, и говорит: «Жокто, я жду от вас божественного чуда! Да-да, именно сегодня! Ведь именно сегодня...» и она рассказывает, что чудесного произошло именно сегодня, именно когда-то, с кем-то и почему.

Вика пальцами рисовала в воздухе мадам Софи, и Вовка увидел, какое огромное доброе сердце бьётся в её груди, увидел, как мадам Софи одинока, как дорог ей старый садовник Жокто. Настолько старый, что помнит, как матушка мадам Софи выходила замуж.

– У неё совсем никого нет? – перебил шёпотом Вовка. – Она одинока?..

– Да, кроме Жокто – никого.

– И поэтому у неё такое огромное тёплое сердце?

Вика задумалась:

– Наверное... Ведь сердце прокачивает и кровь, и любовь, и страдания... Много работы... – и замолчала.

Вовка нежно дотронулся подушечками пальцев до её руки, пробежал вверх до шеи, нырнул ими в волосы. Потом указательным пальцем, едва касаясь кожи, провёл через лоб на аккуратненький носик и чуть нажал его кончик, как кнопку звонка:

– Апельсиновый ландыш, – тихо напомнил он Вике.

– Жокто – не просто садовник. Он умеет творить чудеса. Именно он вывел те самые розы, Глювайн, лепестки которых согревают замерзающих альпинистов. Его нарцисс, который называли «Глаза», расцвёл впервые здесь, у нас, на Воробьёвых горах, и к нему летят все бабочки мира. Да-да! – с жаром говорила Вика. – Представляешь? Все хотят увидеть, как зацветают эти нарциссы. И даже бабочки-махаоны прилетают из Южной Америки, чтобы присесть и вдохнуть аромат цветов! Мы обязательно это увидим.

Вовка затаил дыхание: он никогда не видел махаонов, не представлял, где находится Южная Америка, но что-то внутри него, какой-то несуществующий художник, водил кистью по мольберту и наполнял воображение сумасшествием красок.

– Но однажды, – голос Вики преобразился...

В то утро мадам Софи проснулась раньше обычного. В то редкое тёплое утро, когда уже вовсю щебетали птицы в саду, а на лужайке солнечные зайчики водили хороводы. У неё было странное чувство – всю ночь снился необычный цветок: она держала его в руках, вдыхала сказочный аромат, который и до сих пор окружал её, но она никак не могла вспомнить рисунок той красоты, её очертания. На пальцах осталось лишь нежность цветка и ощущение свежести лепестков.

Мадам Софи встала с кровати, взбила пальцами свои

пышные волосы и, запахнув воздушный китайский халат, подаренный много-много лет назад мужем, спустилась к пруду. Она рассчитывала, что утренняя вода смоем то самое странное чувство, но – увы! Этого не случилось. Наоборот, в груди что-то сжалось, и томительная тревога пробежала сквозь сердце.

Не нарушая традиции, после завтрака она заглянула к Жокто напомнить о необходимости чуда...

– Мой милый Жокто, – мадам Софи уже попрощалась, но вернулась от двери, – не назовёте ли цветок, что ночью лежал у меня на ладони?

И протянула руку. Слепой садовник снял шляпу, приблизил ладонь к лицу и глубоко вдохнул носом:

– Это – апельсиновый ландыш, мадам! – Жокто чрезвычайно удивился. – Но как!.. Где вы его нашли?

Мадам Софи пожала плечами:

– Не знаю. Просто спустился в ладонь... – она как-то необычно посмотрела на садовника и задумчиво присела на стул. – Этим утром, Жокто, я поймала себя на мысли, что недостаточно знаю вас. Как странно... Вы служите мне уже столько лет, мы подолгу разговариваем с вами каждый день, но... И правда, совсем недостаточно знаю... А сегодня, когда меня разбудил аромат, я вдруг поняла, что внутри вас живёт желание – огромное, как океан, призрачное, как миражи в пустынях, и несбыточное, как любовь звёзд. И оно есть. Я права?

Пока мадам Софи говорила, садовник слушал, чуть склонив голову, и не дышал. Посидев так ещё немного, медленно встал и вышел. Мадам Софи, знала, что Жокто вернётся через пару минут с двумя чашками ароматного чая.

Всё в точности так и произошло. Садовник налил две чашечки чая, поставил на поднос и, словно летучая мышь, видящая контуры предметов только в своём воображении, не задев ни одного угла в кухне, вернулся к столу. Под мерное цоканье ходиков они сделали по несколько глоточков.

– Апельсиновый ландыш, мадам, который был в вашей ладони, – произнёс наконец Жокто, неслышно ставя чашку на блюдце, – не просто цветок. Много лет назад я вывел этот сорт, но – странная штука – он потерялся. Да, просто исчез неожиданно... Как бы ландыш есть, и в то же время его нет. С тех пор я так ни разу и не держал цветок в руках.

– Разве такое может быть?! – воскликнула мадам Софи.

– Как видите... – виновато улыбнулся Жокто и пожал плечами. И добавил. – Но в этой истории интересен не я и не он. Совсем даже и не я...

– А кто же? – мадам Софи удивлённо подняла брови.

– Вы!

– Помилуйте, Жокто!..

– Да, да, вы! Ландыш спустился в вашу ладонь, не в мою. Поверьте ему, на это есть причины. В мою ладонь он не спустится, это точно. Ландыш знает о моём желании и, на-

верное, оно сбудется. Я, правда, не представляю, как, но это сейчас и неважно. Поэтому, он выбрал вас. Вам, не мне нужно наполнить жизнь желанием, и последние годы, что вас знаю, тому свидетели.

– Объяснитесь, мой дорогой друг! – в нетерпении попросила мадам Софи. – Почему так?

Жокто вытащил из кармана брюк платок, промокнул им выступившие на лбу капли пота и извинился:

– Простите, это не от горячего чая... – затем аккуратно сложил платок и убрал. – Когда я думаю о том, что однажды смогу встретить Анну, свою сестру...

Его голос задрожал. Мадам Софи, поражённая в самое сердце, застыла: прошло столько лет со дня их первой встречи, и вот какой поворот! А она ни сном, ни духом!

– ...я знаю, что однажды смогу встретить Анну... – говорил Жокто. – Я знаю, она жива! И слепа, как и я, и одинока. Нас разлучил в детстве страшный удар судьбы – землетрясение. В детстве, когда ещё не помнишь себя... Но много позже пришли известия: родители погибли в тот самый день, а нас чудом спасли, но никто и не подумал, что мы – брат и сестра. Слепые от травм брат и сестра.

– Но как вы об этом узнали? – взмолилась мадам Софи

– Я же садовник! – старик покачал головой. – Я им родился, им и умру. А первое, что помню – куст сирени. Не знаю, сколько мне было лет от роду, но помню его густой запах и помню наш мимолётный разговор. Ветерок наклонил

ветви, и те прошелестели: «Привет, одинокий Жокто. Ты не знаешь, почему одинок, мне жаль! И я не знаю. Но что я знаю – однажды ты станешь самым великим в мире садовником. Лепестками твоих роз будут согревать замерзающих людей, и самые красивые на свете бабочки будут лететь через океаны, чтобы вкусить аромат созданных тобой цветов». Не страшно, что ты слеп, добавила сирень, страшно другое. Разве может быть что-то страшнее слепоты? – подумал я. Да, сказал куст, читая мои мысли, и ты поймёшь это скоро. Когда? Но ветерок начал стихать, и последнее, что я услышал – всему своё время. Наверное, – рассудительно продолжал Жокто, – то самое время пришло, когда в городском парке орешник сказал, что слышал от ветра известие о судьбе моих близких. И в тот день я понял, есть вещи страшнее слепоты... Например...

– ... одиночество, – закончила фразу мадам Софи.

– И тоска по близким, – добавил тихо Жокто, зная, что память вернёт его сейчас назад, к орешнику:

«А теперь, посмотри наверх! – орешник плавно поднял к небу ветви. – Видишь?» Маленький Жокто вдруг поверил, что сможет увидеть. Он задрал голову, но там ничего, кроме бездонной темноты не было. Он продолжал смотреть до рези в глазах, пока не потекли слёзы, и лишь тогда дерево ответило: «Там – ещё твой неродившийся цветок, который спускается с неба и дарит главное желание в жизни. Он сам выбирает, в чью ладонь лечь. Ты сотворишь это чудо.

Не для себя, для других – твоё главное желание уже родилось и цветок тебе не нужен. Он нужен другим».

Мадам Софи, сжав ладонями чашку с остывающим чаем, долго сидела молча...

– Как странно... – наконец прошептала она. – Как странно, что цветок дарит желание, а не его исполнение... Но ведь в этом – глубокий смысл, не правда ли?

– Да, мадам, – кивнул садовник. – Я рад, что и вы так считаете. Как рад и тому, что этой ночью апельсиновый ландыш выбрал вас.

Вовка сидел, раскачиваясь и представляя себе, как это всё было... И мадам Софи, и землетрясение, и Жокто... маленький, слепой, потерявший семью и когда-то потом – самый великий садовник мира.

– Анна? – Вовка повернулся к Вике. – Мадам Софи, её желание... Чтобы Жокто нашёл свою сестру Анну?

– Не совсем... – Вика снова взяла Вовкину руку.

– А что?

– Слепому трудно искать человека...

– Он снова стал видеть? Ну, скажи!

Вика погладила лепестки ландыша...

Ольга Витальевна осторожно оглянулась – вокруг ни души: детей уже развели на послеобеденный сон. Кроме Во-

вки с Викой. Она упросила разрешить им не спать днём, зная, что разлука для них мучительна. Осторожно вытащив из кармана пачку сигарет, прикурила...

– Курим? На рабочем месте? – по-доброму прошептало над ухом.

Ольга улыбнулась – с таким «наездом» мог быть только один человек в мире, её директор, Кирилл с уже архаичным отчеством Викентьевич. Рядом с ним стоял высокого роста средних лет брюнет с тёплым обворожительным взглядом. Ольга прижала палец к губам. Брюнет понимающе кивнул и прошептал:

– Я знаю, у них очень острый слух. Я – Чермышев, из Сербского...

Кирилл тихо добавил:

– Их звезда по детской психиатрии.

Ольга почувствовала что-то родное, близкое, человека, который полюбит детей также, как она сама. Чермышев стоял рядом, внимательно взглядываясь в Вовку и Вику. Потом прошептал:

– Простите, Ольга Витальевна, меня так быстро сорвали... Я не успел всё схватить.

Ольга закрыла ладонью губы. Она делала так каждый раз с тех пор, как привезли Вовку: это спасало.

От слёз.

– У них... – она назвала какой-то синдром, известный только специалистам. – Слепы и немые, только слух. Брат

и сестра. Родились в Канаде, отец работал там по контракту. Им было два дня отроду, когда у роддома взорвалась бензоколонка. Снесло три квартала. Мама погибла. Сначала нашли Вику и отца, Сергея, вернули в Москву. А через несколько лет, чудом, Володю. Опознали по ДНК. Когда привезли его, Сергей уже умер... Вот так...

Губы Чермышьева сжались в тонкую ниточку:

– Они знают?.. Что брат и сестра...

– Нет, – прошептал Кирилл, – мы только готовим их к этому. Поэтому вас и пригласили. А пока, сидят и молча глядят куда-то... Что у них на уме?..

Вика погладила лепестки ландыша, перевернула Вовкину ладонь и медленно опустила в неё цветок:

– Скажешь, какое твоё?

Вовка кивнул:

– Бабочки-махаоны. Они скоро прилетят... И мы обязательно их увидим.

Белая кость

Порт-Артур. Декабрь 1904 года.

– Нету надежды, нету... Никакой. Причаститься бы ей... – сестра со слезами на глазах комкала платочек у рта. – Слышите меня, Павел Денисович?

Косицкий не слышал. Пустыми глазами смотрел на горящую жаром дочь. Та лежала тихо, казалось, не дышала. Всё обрывалось внутри, всё. Гулко в мозгу пульсировало, *отчего? Отчего я, не кто-то другой? Чем прегрешил, что Господь бьёт так сильно? Наотмашь, да по рожге, по рожге!*

Без сил опустился на табуретку и сжал кулаки у глаз. *Дочура моя, счастье... Жить бы и жить... За что? За что ей тифозный барак? Вослед за женой... Будь оно всё проклято!*

– Пойдёмте, Павел Денисович, – сестра положила ему руки на плечи, – не годно-с вам тут долго оставаться.

Но он не мог. Не мог! Не мог фельдфебель русской армии подняться. Ноги... Нет их, куда-то под табурет свалились, не может он встать... *Ну что ты на меня, сестра, так смотришь? Это же дочь моя! Как я уйду отсюда? И куда?*

– Пойдёмте... – умоляла сестра.

Косицкий поднялся. Тяжело поднялся, будто придавленный тысячепудовой гирей. Вытер слёзы, вздохнул. Барак в темноте, только у Вареньки свеча горела на столике. А вокруг стоны, стоны... Он наклонился, откинул прядь волос

над правым ушком и поцеловал. В солнышко. В родимое пятно, которое обожал.

Смяв в кулаке фуражку, распахнутый толкнул дверь. Брызнули в лицо тысячи игл, ветром чуть не сорвало шинель... Косицкий придержал подол. Глотнул морозного порт-артурского воздуха и пошёл в темноту.

Напрямки, через блошиный рынок, до штаба рукой подать. Минут семь ходу.

– Священника! Сейчас же! – вспомнились слова сестры милосердия. – Может, успеем причастить. Который из них? Сергия надо! Он тут, в трёх шагах, через двор за рынком мигом дойду.

Небо вдруг озарилось, бухнуло что-то с адской силой. Косицкий, подрубленный, упал. Тупая боль налилась ядром в шее и пошла кинжалом по позвоночнику...

Последнее, что в зареве вспышек видел – снег. Который становился бордовым, съёживался и таял...

Где-то под Ростовом. Ноябрь 1919 года.

Суета к обеду поднялась невероятная. С полудня, как пришло известие, унтера начали носиться ужаленными. Состояло известие в том, что гетман отправлял в помощь полк сердюков, которые должны были к ужину прийти с Ростова. Предстояло их как-то расквартировать. В части среди интендантов поднялась паника. Второй цейхгауз решено было освободить, перевезя всю амуницию в первый. Телеги, как

муравьи, сновали туда-сюда, разбивая комья серой грязи. Полным составом, от вольноопределяющихся до вахмистров, в мокрых от пота шинелях, грузили и разгружали бочки, ящики, тюки, стеллажи и всё возможное, чего только не наскладировалось за последние годы. Каптенармус Панкратьев от волнения красный, как семафор, едва успевал сверять по гроссбухам перевезённую утварь. Матерился с нечеловеческим усердием, и дело спорилось. К пяти паника сошла на нет, гомон и свист кнутов затихли, телеги сгрудили на пустыре за банями, измотанных лошадей развели по стойлам. Телеграф в кабинете генерала Скворцова отстучал, что сердюки минули Кущёвскую. Часа через полтора, вёдомо, ожидались.

– Абриколь есть абриколь! – Лунёв, довольный собой, выпрямился над столом. – Самый красивый удар. Видели бы вы, Павел Денисович, как исполнял его мой отец – ахнули!.. Господа, вы позволите?

Офицеры расступились, Лунёв прошёл вдоль длинного борта к дальней лузе и, присев, оценил. Шары стояли выгодно:

– Свояк в середину... Правый винт...

Удар был хорош – прицеленный, точно исполненный. Дужка лузы скрипнула кожаной прослойкой и приняла шар внутрь.

– Bravo! Bravo, Виталий Семёнович! – офицеры заапло-

дировали.

– Проиграть вам, господин полковник... Не зазорно-с! Тем более в сибирку. – Косицкий поставил кий в стойку и вернулся.

– Благодарю вас, Павел Денисович. Позвольте угостить?

– С удовольствием!

Лунёв щёлкнул половому и жестом пригласил Косицкого за дальний столик.

– Можно пенять на всё – на возраст, погоду, подагру, времена... Но мастерство... Оно потому и мастерство, что не пропьёшь! Кстати, о временах... – усаживаясь, он повертел пальцами вокруг. – Как это радостно, что в нашем захолустье сохранился такой райский уголок. Иначе б мы тут окончательно спились.

Косицкий улыбнулся. Полковник прав – чудный уголок безмятежности. Тёплый, уютный, особенно промозглыми ноябрьскими вечерами.

...когда всё трещало по швам. Когда красные били по фронтам, когда корпус падал за корпусом, когда выдержка и самообладание остались только у старой гвардии. Она, старая гвардия – белая кость, голубая кровь – ещё держала в узде младших офицеров. А те – унтеров, а унтеры – солдат. Но приход страшной трагедии стал лишь вопросом времени.

Лунёв будто читал его мысли.

– Вы улыбнулись грустно, Павел Денисович. Не стбит. Жизнь прекрасна сюрпризами и часто меняет гнев на ми-

лость. Не считаете? Ведь она не разучилась улыбаться.

– Как Зеленову?

– Да бросьте, штабс-капитан! – полковник отмахнулся, – Тряпка, кадет, баба ваш Зеленев.

– Знаете, Виталий Семёнович, мне иногда кажется, пустить пулю в лоб – большое мужество.

– Увольте-с, и слышать не хочу! На мой взгляд, трусость, только трусость. Нервы у Зеленова не выдержали... Нервы-с! Мы все сейчас на них. У каждого, слышите, у каждого на кону жизнь! И вы, и я, – губы полковника сузились, – смотрим в глаза близким и не знаем, что обещать. Но мы должны смотреть! Без тени сомнений. Мы – те, кто будет драться до конца.

– L'honneur l'exige!

– Правильно! Правильно вы, Павел Денисович, сказали – того требует честь! Выпьем!

Чокнувшись, выпили. Лунёв достал портсигар.

– Кстати, ко времени помянули Зеленова, – он усмехнулся, прикуривая. – Каламбур, однако... Так вот, вчера Сергей Петрович сообщили, что во вторник ожидают нового адъютанта.

– Правда? – Косицкий удивлённо поднял глаза. – И кто же?

– Некто Верещагин... Андрей Васильевич.

– Верещагин? Почему меня не ввели в курс дела?

– Павел Денисович, не волнуйтесь, его проверяла контр-

разведка. Всё чисто. Из Ростова с сердюками придёт рапорт, сами убедитесь.

– Но...

Лунёв сделал вид, что не замечает:

– ... с положительными рекомендациями прибывает...

Весьма положительными!

– Один?

– Отнюдь, – полковник хитро сузил глаза и заговорщически прошептал. – С супругой-с. Говорят, весьма премиленькая.

* * * * *

– Вот, господин поручик, прибыли-с! – есаул с фамилией Шкарды-Барды хлопнул по двери. – Гостиная. Спальня справа.

– Спасибо, – Верещагин улыбнулся, – дальше мы сами. Только помогите, голубчик, вещи занести.

– Слушаюсь!

Верещагин зашёл внутрь.

– Ну, что ты замерла? – махнул жене. – Пройди, смотришь.

Мария Николаевна робко вошла и огляделась.

– Мило...

Прошла к окну. Отдернув ситцевую занавеску, пальцем провела по подоконнику и, улыбаясь, показала след на пер-

чатке:

– Андрэ, ваша первая надобность – влажная тряпка!

– Я извиняюсь, барышня, – пыхтел Шкарды-Барды, внося саквояжи, – господина поручика ожидают-с.

– Неужели? Кто посмел? – подняв брови, наиграно удивилась Мария Николаевна.

– Господин полковник Лунёв и штабс-капитан Косицкий.

– Это из контрразведки... – Верещагин бережно расшнуровывал какой-то пакет, – ...Павел Денисович. Передай им – буду через десять минут.

– Слушаюсь! – есаул щелкнул каблуками и вышел.

Андрей посмотрел на себя в зеркало. Провёл пальцем по щетинистой щеке.

– Машенька, где мой несессер?

Мария Николаевна не ответила. Она смотрела в окно стеклянным взглядом. Пальцами до белых костяшек сжимая перчатки...

Смоленск. Пару недель позже.

– Это провал! Провал! Вы понимаете? Как вы могли!

– Спокойно, Егор, спокойно... – Гузеев трясущимися руками достал папиросу, – ...чего кричать-то? Остынь!

– Я остынь?! – Егор вскочил, что аж стул с кожанкой грохнулся об пол. – Как можно было не знать, что Косицкий там?!

Он принялся расхаживать вдоль стола, от нервов сотрясая кулаками воздух. Остальные сидели, вжав головы. Каж-

дый стук каблука Егора раздавался пушечным залпом. Гузеев нервно затаился.

– Давайте по цепочке пройдем, товарищи. Юцевич, дай подробности.

На стол легла объёмная папка. Химическим карандашом на титуле были выведены три буквы: «Оса». Положив сверху ладони, Юцевич тихо начал:

– Последние данные от неё доставили вчера курьером. В целом, ситуация нормальная. Её муж – Верещ...

– Мы знаем, кто муж! – нетерпеливо перебил Егор.
– ... приступил к должности. Скворцов принял его хорошо. Оса пока обустроивается по дому, заводит знакомства среди местных. Связой – Горец, работает половым в ресторане Давыдова. Что касается операции «Визит», пока без изменений. Генерал Карманов планируется в часть с проверкой в начале декабря.

– Какова надёжность сведений?

– Пока косвенная. Муж Осы говорил, что командование завинчивает гайки, дисциплина усилена. На следующей неделе из Одессы ожидают доставку люисовских пулемётов и броневедомости. Кажется, «Ромфель». Из переданных сведений пока всё.

– Нет, не всё! Не должно быть всё! – Гузеев зло затушил папиросу. – Есть что о Косицком?

Юцевич вздохнул:

– Контактирует с ним Оса. Ну как иначе, товарищ ком-

див?.. Но она держится.

И замолчал. Егор стоял, слегка раскачиваясь, руки в карманы, буравил глазами папку на столе.

– Какие шансы у Осы остаться в живых?.. когда с Кармановым будет всё... – пробасил он, не поднимая глаз.

– Небольшие, Егор... – Гузеев тяжело кинул взгляд. – Молиться – больше не молимся, но придётся...

Где-то под Ростовом. Те же дни...

– Здравствуйте, Мария Николаевна!

– А, это вы, Виталий Семёнович! Я вам рада...

– Гуляете? – Лунёв глубоко вдохнул носом. – Редкий вечер! На удивление... Вы позволите?

И галантно предложил руку.

– Благодарю. Вот, на променад вышла, хочу вдоль леса пройтись, подышать. Составите компанию?

– С превеликим-с...

Домá отступили, оставшись позади. Брусчатка как-то сама собой утонула в грунте широкой дороги, которая, блуждая между уснувшими акациями, вальжной лентой стелилась из городка к лесу.

– Ну, как вам тут, у нас? Скучаете по столичной жизни?

Мария Николаевна задумчиво улыбнулась.

– Как вам сказать? Жене офицера не принято огорчать начальника мужа, – и лукаво стрельнула глазами.

– Дипломатично, – одобрительно кивнул Лунёв. – Вы, я

успел заметить, натура весьма дипломатичная.

– Когда это вы успели заметить, Виталий Семёнович? При вашей работе...

– Да что вы! О вас много судачат. Так вот-с...

– Что-то конкретное?

– Да. И исключительно в восторженных тонах. Даже иногда удивляюсь, как вам все благоволят. Это ваше врождённое?

Мария Николаевна рассмеялась:

– Всё – врождённое, не находите? Вот вы...

– Интересно... – Лунёв приостановился.

– И работы непочатый край, и успеваете всё и вся видеть вокруг. И слышать. Так и вижу вас на портрете в Зимнем. На белом рысаке, под генеральским вальтрапом с вензелями... – Мария тонкими пальцами рисовала в воздухе картину.

Лунёв прыснул:

– Да вы ещё и с фантазией, барышня!

– Нет, нет, правда! Виталий Семёнович, вы ж на погонах до жезлов фельдмаршальских дойдёте – так работать.

– Полноте вам! Просто служба, ничего более...

Темнота густела.

– Видите, Арктур зажётся... – Лунёв перчатками махнул в небо. – Самая яркая звезда. За ним мерцаниями другие пойдут...

– Разве? – Мария поймала жест и придержала на голове

шляпку. – Нам в гимназии говорили, что Сириус.

– Ну, не знаю... Генерал Скворцов сказали-с, что Арктур. Извините, вынужден подчиниться! – и засмеялся.

Некоторое время шли молча...

– А что Андрей Васильевич, доволен? Как вам кажется? – вкрадчиво зашёл Лунёв.

– Весьма! – нарочито грустно вздохнула Мария Николаевна. – Но, если честно, я полагала, что времени на меня будет больше. Хотя, понимаю, понимаю... Вы мне сейчас про тяжёлые времена расскажете...

– Голубушка, не обессудьте! Конечно, запустить такую красавицу-жену – грех. Но потерпите малость, полторы недели осталось. Вот четвёртого спровадим визитёра – полегче будет.

– Не будет, – она иронично надула губки, – врёте всё, Виталий Семёнович! – и на быстром дыхании выпалила. – Что за визитёр?

Лунёв мягко оглянулся назад.

– Из штаба Врангеля. Вам можно знать, поскольку Андрей Васильевич... вы понимаете... Но, прошу вас, это – между нами.

– Не интересно. Вот если бы Мулен Руж приезжал...

– Будет, всё будет, Мария Николаевна, потерпите, – он легонько тронул её за локоть. – Темнеет. Может быть, повернём обратно? Я с вами поговорить хотел...

– Правда? О чём же? – она нахмурила брови.

– Как бы деликатнее изъясниться?.. – Лунёв замялся, – Павел Денисович... Я обратил внимание, как вы холодны-с с ним. Меж тем... меж тем человек трагической судьбы. И героической. О нём ещё с Порт-Артура рассказывают. Там же потерял жену и дочь. Вареньку... Обе – от тифа. Контужен был, чудом выжил. Вы и сами, Мария Николаевна, ему в дочери годитесь. Я вас прошу...

– Я... я... постараюсь, Виталий Семёнович...

В рухнувшей темноте Лунёв не увидел, как побелело в волнении лицо Маши...

– Чего изволите, барышня? Холодно вечерами. Может, согреться желаете?

Мария Николаевна подышала на замёрзшие пальцы.

– Неплохо бы чаю. С вареньем.

– Какого прикажете? Кизил, малина, абрикосовое намедни доставили...

– Мне бы...

...её голос утонул в гуле ресторации. У Давыдова по вечерам отбою в завсегдатаях не было.

– Я извиняюсь, шум-с... – половой нагнулся к столику. – Так какого-с?

– Передай в Смоленск, Лунёв подтвердил приезд визитёра в среду, третьего, – прошептала Мария почти на ухо. – Ступай.

– Кизилового с чаем? Сей секунд, барышня! – Горец вы-

прямылся и поспешил на кухню.

Смоленск. Канун декабря.

Клубы дыма уже съели напрочь облупившуюся штукатурку, лампочка под потолком свернулась в жёлтую унылую точку. Банку из-под тушёной свинины вытряхали от окурков уже раз семь...

– Открой, что ли, Илья. Дышать нечем...

– Да шпингалеты все мёртвые, краской замазаны, – раздражённо отмахнулся Юцевич.

– А ты покачай, покачай их... – Егор смотрел на него красными, опухшими с недосыпа глазами. – Возьми их силою своей еврейской.

Юцевич подошёл к окну, подёргал шпингалеты. Один пискнул.

– Я тебе, контра, бóшку-то сверну... – просипел натужно, тряся другой рукой за ручку.

Рама заходила ходуном.

– Ну что ты, Егор? Чего такой раздражённый? – Гузеев, не отрываясь, листал папку Осы.

– Да устал, Миш... как проститутка после городской ярмарки. Что там, Илья?

– Тьфу, падла! – Юцевич затряс рукой. – Палец ссадил...

– Отойди! – прогремел Егор и, зло схватив со стола чернильницу, всей дурыю запустил её в окно. Битое стекло звонком рассыпалось по полу, и жёлтый от лампы дым устремил-

ся на волю.

Гузеев даже не поднял глаз – вытащил из кармана платок и потряс им:

– На, Илюш. Вчера, вроде, чистый был. Замотай ссадину и садись...

Юцевич сел. Егор, повеселевший со свежего воздуха, мо-золистой пятернёй гладил себя по лысому черепу.

– Третьего, значит, Карманов едет?.. – в который раз протянул Гузеев. – ...на святителя Прокла... Одна машина, восемь казаков... Егор, карту подвинь.

Склонившись, долго постукивал грифелем карандаша по отмеченному кружку.

– У балки берём, так?.. вот здесь... потом плотом на другой берег за изгибом? И ищи ветра в поле?..

Оторвавшись, сдёрнул круглые очки на дужках:

– Ничего не перепутали, товарищи?

Егор молча покачал головой.

Москва, четвёртое декабря 1919 года

Кузнецкий мост слякотный, забит людьми. Все – по делам. Ватники, полушубки, шинели... Лица хмурые, молчаливые, тела ёжатся от липкой промозглости... Только маленький горлопан не унимается:

– Свежие газеты, свежие газеты! На Мытной ограблен ювелир Зильберквит! Симон Петлюра приехал в Варшаву! Покушение на генерала Карманова! Покушение на генерала

Карманова! Генерал жив...

Где-то под Ростовом, тем же днём

– Тряпка ваш Горец, Мария Николаевна! Тряпка! – Косицкий в расстёгнутом кителе, красный весь, сидел глаза в глаза. – Зачем вы молчите? Он же нам всё рассказал. Мы знали, всё про него знали. Оставалось только понять, какие козыри в колоде. Будете говорить?

Она смотрела на него сквозь лиловую опухоль на глазах, сквозь слёзы, с которыми совладать сил не было. Сквозь разбитые, высохшие от жажды губы хрипела от боли. Левое ухо нещадно кровоточило, блузка лоскутами висела на синем от холода и издевательств теле...

– Зачем! – Косицкий сорвался на крик. – Зачем! Всё кончено! Всё! Карманов уже далеко... Кому вы отправляли сведения? – вскочил и с силой пнул от себя табурет. – Есаул!

Шкарды-Барды, закатывая заляпанные кровью рукава, шёл на неё.

– Я тебе, мразь, грудь отрежу и псам кину... – процедил сквозь зубы и ударил наотмашь.

...с такой силой, что она, привязанная, опрокинулась со стулом на пол. Туман заволакивал глаза... Она слышала, как бил есаул сапогами в живот, по почкам... Слышала, как хрустели пальцы под его каблуком... боли не было...

...только глаза... которые не сводила с Косицкого... боясь, что больше его не увидит...

– Устал, ваше благородие... – есаул согнулся, уперев руки в колени, – устал, мать её... Тварь!

Сплюнул и отошёл к стене, тяжело дыша.

Косицкий присел над Машей. Та лежала тихо, казалось, не дышала... Каким-то чувством, волной, которая вдруг поднялась из глубины, откинул прядь её волос над правым ухом...

На секунду—другую белый, как смерть, окаменел... потом завалился на колени, обхватил голову руками и, взрывая вены на шее, закричал...

Владивосток. Январь 1905 года

Буря свирепствовал неимоверно. Рвал ветви с деревьев, вывески со станции, снежными лапищами слепил фонари паровозов.

Вагоны разгружали, как сумасшедшие. Семь минут и следующий. Ещё семь минут, ещё вагон. Больных на средних и тяжёлых не делили, некогда. Паровозы подходили и подходили... Вдвоём хватали по одному, за руки, за ноги и – прочь. В носилки, на вокзал, на пол... Пока на пол, потом разбираться будут...

– Порт-артурских три осталось... – кричал начальник станции по телефону. – Три! Три, говорю... Курьерский с Благовещенска на путях стоит... пока принять не можем... Нет!.. санитарные разгружаем... Да чтоб вас!.. – бросил

в сердцах трубку. – Караваев! Где Караваев?

– Там, на разгрузке, семнадцатый-бис... С трупами вагон остался.

– Бегом, Полинушка! Найди его! Двадцать минут и благовещенский ставим.

Полинушка, лет пятнадцати, тщедушная, на голове платочек, пальтишко драповое, валенки на три размера больше, выскочила на платформу... Ветер чуть не сбил её, схватилась за фонарь, глаза от метели ладошкой прикрыла...

Суета на платформе, гомон, крики... телеги к путям подгоняют... страшные мешки из семнадцатого-бис вытаскивать... теней скопище, все туда-сюда... А та сидит одинёхонько на коленочках, ручками себя обхватила, раскачивается...

– Ты с порт-артурского? – Полина кричит, продираясь к ней по снежным торосам. – Звать тебя как?

И сквозь свист пурги слышит:

– Варя...

– А где мамка-то с папкой?

– Не знаю...

Схватила её в охапку. *Замёрзнешь насмерть. Пойдём, пойдём! К Кириллу Мефодычу, он поможет...*

Где-то под Ростовом, в ночь на пятое декабря 1919 года

Ключ с грохотом провернулся в замке. Натужно взыв,

дверь в камеру открылась, и каблуки гулко отмерили шесть шагов до нар.

– Господи, Андрей Васильевич, что они с вами сделали!

Верещагин видел только мутный силуэт. И то одним глазом, второй заплыл.

– Андрей Васильевич, вы меня слышите?

– Да, Виталий Семёнович... – не голос, хрип какой-то кровавый.

– Вы можете встать?

– Кажется, у меня рёбра сломаны...

Скрипнули ножки табурета, и Лунёв сел напротив.

– Сейчас, сейчас вам помогут. Всё кончено... Слава Богу, ваша жена во всём созналась Косицкому.

Верещагин застонал...

– Она сейчас признание пишет... – глаза Лунёва сузились и забегали, – говорит, вы ни при чём... Так разве, Андрей Васильевич? Так?

Глухим хлопком в глубине каземата прогремел выстрел. Волна выкатилась в коридор и побежала по стенам... Застучали тяжёлые шаги... Лунёв вздрогнул.

Облокотившись о косяк, тяжело дыша, Косицкий, китель в крови, целил револьвером полковнику в грудь.

– Павел Денисович, вы в своём уме? – опешил тот, вставая и пятясь.

– Простите, Виталий Семёнович... И прощайте...

Грохнуло в камере. Лунёв схватился за грудь, качнулся,

на полусогнутых сделал шаг, упал мёртвым.

Обхватив руками Верещагина, Косицкий поднял его в на-
рах.

– Вставай! Вставай, Андрей, Вареньку спасти надо... Можешь машину вести? Вставай же!

«Ромфель» растворился... Только что доставленный с Одессы... сгинул в степи... Вареньку он уложил сзади, Андрей, белый от боли, сел за руль.

Сжимая револьвер, Косицкий смотрел в темноту... Позади щёлкали затворы...

– Бросьте оружие, штабс-капитан! Бросайте! Или мы стреляем...

Штабс-капитан поднял пистолет к виску.

– L'honneur l'exige... – выдохнул он в ночь...

Дурочка

– Вот зря вы так, Андрей Сергеевич, зря! Какие неправильные слова вы сказали!

– А тебе, Студент, кто слово давал? Тут мужики собрались... – Андрей зло сплюнул на снег. – Ты поленницу натаскал?

– Днём ещё.

Раздражение нарастало:

– Иди, валежника добери...

Остальные молчали. Сидели, делали вид, что каждый думает о своём, хотя больше всего боялись другого. Боялись, Андрей опять вспылит.

Когда он невзлюбил Студента? Да, наверное, сразу, как тот появился в отряде. Это был июль? Июль. В июле немцы трепали их больше всего. От отряда крохи остались, дальше августа никто не загадывал. Только раз смогли огрызнуться – в Соловьях, да и то по наводке от армейских. Студента полуживого нашли у коровника. Он лежал в крови и грязи, казалось, не дышал, в правой ладони смертельной хваткой держал половину своего отрезанного уха.

– Смирно!

Все вскочили, вытянулись.

– Вольно, – Мухин, махнул рукой и присел к костру, – Ну что, опять про водку, да про баб?

И улыбнулся. Потом обвёл всех взглядом. Колючим, пронизывающим до костей, командирским:

– Что не так?

– Нет, всё нормально, Борисываныч... – растянул Коля-санитар, лукаво улыбнувшись, – Как всегда – баб нет, так мы про водку.

– Ну, ну. «Подсудимый Иванов, а вы вообще-то пьёте? Я не понял, товарищ судья, это вопрос или предложение?»

Все грохнули.

– Борисиваныч, ну откуда у вас по анекдоту на каждое слово?

Мухин смеялся со всеми. Смеялся лицом, взгляд же его, пристальный, нет-нет да и стрелял в Студента. Тот был не с ними, где-то далеко, но участливо улыбался.

Отсмеявшись, командир повернулся к Андрею:

– Слушай, тут...

– Извините, мне надо валежника натаскать, – будто, самому себе Студент пробурчал под нос, поднялся и пошёл от костра.

Его проводили глазами, пока за соснами не стих скрип валенок.

– Слушаю, Борисываныч, – откликнулся Андрей.

– ...мороз завтра будет. Слышь, как валенки скрипят? – Мухин потёр лоб. – Чего я хотел тебе сказать?..

Секунду посидел в задумчивости:

– А чего ты такой злой был, когда я пришёл?

– Да так, нормально всё...

– Я вижу, как нормально... – Мухин буравил Андрея насквозь. – На чём опять цепанулись?

– Можно я тут погреюсь, Семёныч? – Студент, держа охапку валежника, робко стоял в сенях и дышал на замёрзшие пальцы.

– Опять тебя шуганули, горемыка? Ну, проходи, поможешь крупу перебрать.

Семёныч сидел на циновке, позвякивая крупой о края кастрюли. Огромной рукой работал, как черпачник – вытаскивал горсть, быстро отшелушивал и кидал обратно.

– Да, да, спасибо, я с удовольствием, – скинув валенки, Студент сел рядом.

– Ё... да у тебя руки синие! Иди сначала у печки погрей. Как отшелушивать-то будешь? Раскидаешь тут мне всё по полу.

– Спасибо, – ещё раз поблагодарил Студент.

Дрова трещали крепко, и он быстро начал согреваться. Оттаивал. Семёныч кинул взглядом на его сгорбленную спину, молодую, неестественно сгорбленную:

– Ну, повеселел? Руки-то отходят?

– Спасибо вам, спасибо.

В душе бы тебе холод кто растопил. Чего там у тебя?
Семёныч покачал головой.

– Зачем он нам, командир? – у Андрея от злости ходили желваки. – Пришибленный какой-то. Он что, не понимает, что вокруг происходит? Война, драться надо! А он?

– Есть такое дело, Борисываныч, – поддакнул Трушин, – он не такой какой-то, как сначала казалось...

– А что тебе, Вась, сначала казалось? – Мухин концом палки поворошил угли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.